

Виктор
Мартинovich

РЕВОЛЮЦИЯ

Виктор Мартинович Революция

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64848296

Революция : роман / Виктор Валерьевич Мартинович: «Время»; Москва;

2021

ISBN 9785969120860

Аннотация

Взяв в руки новую книгу белорусского автора с названием «Революция», торопливый читатель подумает: ого, быстро отреагировал! И ошибется. Книга была написана в 2013 году. Но у Виктора Мартиновича есть такая творческая особенность – без робости заглядывать в будущее, выявлять неявные тенденции, предполагать развитие событий, хотя бы и самое невероятное. Так вышло и с «Мовой», и со «Сфагнумом», и с «Озером Радости», и с «Ночью». Иногда это прогнозы, иногда предупреждения. Вот и в этот раз: выдуманная Мартиновичем «революция» пугающе реалистична, хотя автор не скрывает игрового характера романа, в который вплетены смысловые цитаты из «Фауста», «Преступления и наказания», «Пиковой дамы», «Мастера и Маргариты», «Дракона»... И при этом отличный собственный текст – с юмором, с интересными архитектурными и семиотическими наблюдениями. Сам автор, представляя свой роман, сказал так: «Это история о том, как человек, дорываясь

до власти, постепенно превращается в кусок дерьма». В общем, все очень похоже на правду – и политический пейзаж, и нравы чиновничьей вертикали, и человеческие характеры. Не дай бог, чтоб сбылось.

Содержание

Глава первая, в которой я объясняю, что эта книга является фальшивкой, и представляю тебе – тебя	6
Глава вторая, в которой я сталкиваюсь с нравами на дорогах Москвы острее, чем мне бы того хотелось	18
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Мартинович Революция

Художественное электронное издание

Художник Валерий Калныныш

© В. В. Мартинович, 2021

© «Время», 2021

Глава первая, в которой я объясняю, что эта книга является фальшивкой, и представляю тебе – тебя

Нихао.

Вздрогнула ли ты тут, узнав словечко, которым начиналось каждое мое эсэмэс? Поверила ли, что слово из случайно купленной книги может быть обращено к тебе лично? Достаточно ли этих двух вопросов, чтобы ты угадала интонацию и распознала меня за фамилией малоизвестного автора, которая маскирует мою писанину?

Эта книга оказалась у тебя в руках, потому что твое внимание привлекла одна деталь обложки. Артефакт Атлантиды. Объект романтично утопшего нашего с тобой мира. Я сообщил тебе привычку во всем видеть знаки и идти за ними. И интерпретировать их, причем всегда неверно!

Почему книга? Ну во-первых, я хотел отыскать тебя. Во-вторых, мне бы хотелось, чтобы об этой попытке не узнали они. Расчет прост: серьезные люди сегодня не читают книг. Написанный текст – устаревшая форма высказывания. Мой голос не услышит никто, кроме трех сотен случайных читателей, имеющих привычку таскаться по лавкам с пыльным

старьем.

Мне нужно как-то обращаться к тебе, моему единственному настоящему слушателю. Для всех остальных этот роман – fiction. Для тебя – театр. doc. Я не уверен, что хочу раскрыть твоё имя для трех сотен жадных до подробностей незнакомцев. Тем более рядом с признанием в тяжких преступлениях, которое последует дальше. Выходя из лабиринта, лучше сматывать нить Ариадны – чтобы к Ариадне не притянулся минотавр с корочками майора убойного отдела.

Потому для смеху я буду называть тебя Олей. Хотя мы оба знаем, что Олей ты никак не можешь быть. Именно Олей звали объект наших издевок, велюровую пони, которая каждое утро в мохнатом костюмчике устраивала зарядку под окнами. Она большими глазами провожала меня в подъезде. Я обещал тебе, что буду любить тебя, как Оля.

Еще несколько фраз для оживления памяти.

«Безюминка».

«Мраморная крошка» – моё обращение к тебе. Памятник героям-сантехникам, который ты установила мне после победы над краном.

Wish you were here.

Трилогия «Хождение по мухам».

Испанские галеоны на пруду в Останкинском парке. Квартирка на четвертом из пяти блочного. Газовая колонка, связанная ржавыми трубами с котлами в Аду. Крутанул вентиль на миллиметр – сходил в гости к Данте. Мы выбирались из

ванной ошпаренные, но и жили мы тоже как ошпаренные.

Помнишь Останкинскую башню за окном, которую ты грозилась как-нибудь выкорчевать, обжарить и подать к ужину? И пока новая нарастет, нужно будет ждать пару лет. На вкус Останкинская башня должна быть похожа на жареный гриб. Москвичи называют эти грибы зонтиками, на моей родине у них другое имя – курочка. Эдакая лепешка на длинной останкинской ноге. Помнишь, как мы решили, что Эйфелева башня – несъедобна. Есть ее – все равно что есть пауков. Помнишь? Ты это помнишь?

Но я не должен забывать: эта книга врет о себе, что она – роман. А стало быть, мне, как «герою» этого «романа», нужно представиться.

Я – коренной москвич. То есть переехал в Москву лет шестнадцать лет назад со своей маленькой родины, сдуревшей от страха перед загипнотизировавшим ее полесским колдуном.

Я помню, как ходил по Москве первые месяцы и не мог избавиться от ощущения Englishman in New York:

If manners maketh man as someone said
Then he's the hero of the day
It takes a man to suffer ignorance and smile
Be yourself no matter what they say

Ощущение было, что я прибыл из компактной европейской столицы, в которой водители пропускают пешеходов,

а люди тщательно выговаривают буквы русского алфавита – в разросшуюся до десяти миллионов плоскую, наглуую и матерящуюся степь. Провинциальность и вторичность Москвы поражала меня во всем: в манере одеваться, в том особенном понимании «роскоши», которое везде в мире немедленно распознается как китч, в замшелых брендах, которые тут считались признаками «успешности». В подражательности, мнящей себя оригинальностью, в том особом снобизме, который возможен только среди слуг у хана. В том, как в едальнях официанты не спешат убирать со столиков, из-за которых встают посетители, и порой тут нужно сесть, чтобы остатки съеденного кем-то круассана стряхнули на пол. В озлобленности.

И еще раз: в озлобленности.

Париж, па риш. Москва, ква-ква.

Я повторял про себя парафразу Уорхола. Про то, что любой человек в своей никчемной жизни достоин пятнадцати минут Москвы. И, получив эти пятнадцать минут – не зевай. В конце концов, там, где есть много худа (а в Москве много худа!), всегда много и добра.

Зло в Москве бросается в глаза сразу, отпугивает и отжимает – прочь, домой, к черту! А хорошее открывается лишь тем, кто терпелив.

Открывается, когда приспособишься к ее бегу, к ее позе боксера, стоящего со сведенными у лица кулаками.

Ведь странно было бы, если бы все эти невероятные че-

ловеческие миллионы жили в городе, не имеющем вообще ничего хорошего, только деньги, которые этот город жрет из тебя даже быстрее, чем ты их можешь выдоить из него.

Постепенно в тебя начинает вползать другая Москва, без Prada, монголов, скакунов и кокошника. С чудакom в метро, который посреди людской свалки тебе вдруг улыбнется, да так ободряюще, что это даст сил пережить день.

В Москве есть несколько измерений. Изловчившись, можно всю жизнь прожить в том из них, где комфортно тебе. Хотя все, кстати, из года в год живут, выбрав как раз наименее комфортное. А впрочем, главное качество этого города, Оля, это тот особый оттенок одиночества, который испытываешь в десятиллионном мегаполисе, заполненном таким количеством равнодушных ко всему людей, что, гуляя по его улицам, можно почувствовать себя переставшим существовать.

Здесь в десять миллионов раз холодней остаться одному, чем в любом другом городе на Земле. Уехать же я не могу. Выиграв войну, не уезжают.

Зачем я отыскал тебя? Потому что верю, что тебя можно вернуть. Вернуть нашу скромную квартирку на четвертом пятиэтажного, газовую колонку, нашу так и не зажаренную Останкинскую башню. В нынешнем моем положении я легко мог бы достать тебя из-под земли, даже если ты дауншифтишь где-нибудь в Чангмае. Но я бы не хотел подключать свое суетливое воинство. Летучих мышей бывает слож-

но загнать обратно на чердак.

Ты съехала из Останкина, и теперь рядом с нашей газовой колонкой живет лысоватый мужчина с такими перепуганными глазами, что я вижу: он не врет, утверждая, что не знает, куда ты делась и кто вообще такая эта самая ты.

И тут мало было бы просто тебя найти.

Тут нужно было бы объяснить тебе произошедшее. Моя история не уместится в один разговор. С момента нашей последней встречи нулевые превратились в десятки. С учетом дистанции (у времени тоже есть расстояния), на которую нас разнесло, я не получу от тебя большего, чем краткая беседа в дверях.

Возможно, нам достаточно было бы просто обняться. Но вот еще что: я не уверен, что смогу тебя теперь правильно обнять. Как ты узнаешь из моей исповеди, я стал совсем другим человеком. И не уверен, что человеком даже. У того, что от меня осталось, есть определенные проблемы не просто с выражением чувств, но с тем, чтобы их испытывать.

Я гадаю, как ты могла понять наше внезапное загадочное расставание. Наверное, все выглядело так. За несколько месяцев до него ты вдруг почувствовала классические симптомы. Симптомы из анекдота про уход налево. Я стал мало-словным. От меня несло страхом. Я начал задерживаться по вечерам. Свободное время совсем исчезло. Это, кстати, первый признак измены, хотя ты ни разу так и не произнесла этого слова. Затем ты увидела резкую перемену в моем ха-

рактере, которую так и не смогла описать, обозначив лишь, что я начал тебя «очень пугать». Как ты поймешь, я и сам начал себя пугать.

Затем я внезапно разбогател и стал демонстрировать все признаки запредельной даже для Москвы нулевых вседозволенности. Наконец, уже полностью мутировав, вызвал тебя в кафе и, под пение Бьорк, отводя глаза, сообщил, что нам нужно расстаться, но я с тобой скоро свяжусь.

Я не связался с тобой. Ни через год, ни через пять. Я бы заподозрил нечто летальное. Почему ты не заподозрила? Почему ты поверила в то, что я тебя бросил?

Исповедь очищает душу, а чистосердечное признание смягчает наказание. Моя цель – сделать так, чтобы после этого текста я смог обнять тебя как надо.

А потому, чтобы поднять ставки, я возьму и, опять же для смеху, откажусь от идеи до конца прятаться за псевдонимом. Ты и так знаешь, что фамилия автора на обложке – моя выдумка. А не наоборот.

Для остальных я буду «придуман» этим самым автором. Да, я собираюсь наговорить тут на несколько «высших мер наказания». Пусть даже в Москве не расстреливают сейчас (я бы называл расстрел «высшей полумерой» – потому что он, по большому счету, ничего уже не решает для жертвы). В конце концов, приятно щегольнуть тем, что и после полного обнародования со мной никто ни черта не сможет сделать.

Итак (барабанная дробь), меня зовут Михаил Алексеевич

Герман, и я расскажу вам о том, что такое власть.

Не обезжиренный бульончик из нее, которым всех вас потчуют по телевизору перед прогнозом погоды. Не группка карликов с хитрыми лицами, которые вечно с кем-то борются, что-то запрещают или, наоборот, протестуют против запретов. Эта публичная, развлекательная, версия власти придумана лишь для того, чтобы вы не задумывались, почему место, в котором вы живете, где вы платите налоги и подчиняетесь законным требованиям милиции, называется государством.

Нет, я расскажу вам про ту власть, которая давно уже пробралась к вам гены, которая осаживает вас из рефлексов ваших тел. Про власть, которая является кодом нашего мира, стоит за любым поступком, от войны до вашего похода к банкомату.

Редактор попросил вставить тут, как и где мы с тобой познакомились. Ну уж это не ваше дело, дорогие читатели. Вы уж извините. Это все интимно. В нашем знакомстве фигурировала фраза, сказанная официантке в кафе, в котором я писал учебный план за своим кряхтящим от старости ноутбуком. Девушка эта расхохоталась и хохотала потом еще очень часто, я приручил этот веселый хохот и находил в нем до десяти разных оттенков, начиная от восхищенного одобрения и заканчивая грубоватой нежностью.

Да, Оля работала официанткой в кафе. И больше я на эту тему опять говорить не намерен. И я не буду ничего от вас

выслушивать, не ваше это дело. Да, у меня кандидатская по истории архитектуры. А она разносит еду по столикам и принимает заказы.

Давайте лучше вам расскажу про «Курилы». Оля работала (теперь не работает, куда ушла – никто не знает, ну это и так понятно) в заведении на Большой Ордынке, называвшемся «ресторан русской и японской кухни “Курилы”». Русская и японская кухня присутствовали в меню на паях, но смена географической фазы была тесно завязана на время суток. Днем здесь был респектабельный, тихий суши-бар, офисные служащие, рисуя на салфетках суммы, на которые надеются после повышения до помощников начальника управления, топили в черном соусе трепетные креветки, заглатывали калифорнийские роллы и теребили себе руки разогретыми влажными полотенцами.

Вечером эту публику вымывало в пресные клубы с белыми стенами, где они продолжали рисовать на салфетках суммы, но теперь уже те, что отдают за грамм кокаина дилеру, а в «Курилы» на вороных конях слеталась со всего города золотая орда, одетая преимущественно в черное, с большим количеством металлических украшений, ничему так и не научившаяся, коренастая, кургузая, вертлявая, выползающая теперь, во времена Просвещения, только в темное время суток и только в свои, предназначенные для пьяных танцев на столах, места.

Примерно с 21.00 до 6.30 утра «Курилы» переходили под

контроль русского шансона, девах, поющих «Мурку» караоке, русского мата, «сто пятьдесят и стакан сока». Вся татарская история этой части города возрождалась в табачном дыме: здесь жрали жирное мясо коротко стриженные мужчины с круглыми лицами, и по лицам текло, и по рукам текло, и по усам текло, и в рот попадало, и в челюсть попадало, да и ногой по почкам, случалось. Часто прибывала скорая, но никогда – милиция, потому что «Курилы» были под контролем русских, а не этих дневных японообразных менеджеров, которые могли вызвать милицию, даже обнаружив ошибку в меню в слове «терияки». Поутру заведение освещалось трезвым светом Страны восходящего солнца, и прекращал бухать шансон, прекращали бухать татары, тела уносили, столы протирали, появлялись вазы с побегами тростника, и ты шла отсыпаться домой. Ты работала там сутки через трое и становилась то японкой, то татаркой, а волосы у тебя были золотистые, как застрявший в паутине рассвет.

Иногда ты так уставала, что не могла заснуть, и рассказывала о том, как сегодня какой-то из них вдруг спел по-французски «Salut, c'est encore moi», да так, что ползала плакало (хочется сказать: «ползала ползало») и что немедленно после этого его вырвало прямо на телевизор, а сам он отрубился, и ты его пыталась оживить, потому, что его было жалко, а потом вызвали такси и как-то откачали таксистскими приемами антиалко-НЛП, и оказалось, что ехать ему некуда, что что-то там у него такое произошло, что теперь ехать ему в

этом городе совершенно некуда.

А я рассказывал тебе, почему все наши заведения в той или иной степени «Курилы» (ты их называла так: «Курилы. Пилы. Танцевалы»). Почему у нас исторически любой ресторан тяготеет к Верке Сердючке, оливье, умца-умца и пьяной драке. У них, в Европе, кафе – места сбора просвещенных буржуа, концентрация светской жизни, в России же оно – место, где государство зарабатывает на втюхивании алкоголя своим пьяным рабикам. К этому моменту ты уже, конечно, засыпала: мои социологические маргиналии действовали на тебя убаюкивающее. Дернувшаяся вдруг нога сообщала, что ты уже отчалила, и я обнимал тебя, и под белыми парусами твоего дыхания вплывал в сон, чтобы проснуться через десять минут по будильнику и ехать рассказывать про семиотику архитектуры людям, на которых мои лекции действовали так же убаюкивающее, как и на тебя.

Таким было наше холщовое счастье, которое я мечтал растянуть на всю отпущенную мне жизнь, но что-то лопнуло в полотне с нарисованным на нем уютном домашним очагом, и там, за нарисованными дровами, огнем, котелком с похлебкой, проступила дверь, уводящая прочь из каморки. И в руке оказался ключик, и настойчивый голос потребовал: «Открой». И весь мой мир, с его представлением о добре и будущем, о тебе и о людях, ссыпался на пол, как смальта со стен во время землетрясения. А вслед за этим рухнули и сами стены.

Началось же все дождливым апрельским вечером, в который у меня впервые появились от тебя секреты, и именно в этот вечер мы и вернемся, чтобы эти секреты один за другим раскрывать.

Глава вторая, в которой я сталкиваюсь с нравами на дорогах Москвы острей, чем мне бы того хотелось

Обычно движущийся объект А может пройти расстояние В за фиксированный отрезок времени С. Но в период с 18.00 до 20.00 в Москве этот временной отрезок может удваиваться, утраиваться и даже упятеряться за счет такой отсутствующей в школьных задачках по математике переменной, как пробки. И поскольку субъективный характер восприятия времени никто не отменял, и каждая минута стояния в пробке с выключенным двигателем длится в два, в три, в пять раз дольше, чем минута, проведенная за чашкой кофе, в период с 18.00 до 20.00 время для части москвичей останавливается полностью, а для другой части, той, которая за кофе, на фоне легкой музыки, наоборот, ускоряется до свиста в ушах.

Университет, в котором я мучил студентов своими лекциями по архитектуре, был построен филантропом (теперь у нас это слово звучит почти так же странно, как «антрепренер», или даже еще странней, как «резидент» или «омбудсмен») Джорджем Соросом в то время, когда имя Сороса

в России еще не было ругательным. Многоэтажное здание с бассейном и библиотекой было плюхнуто прямо посреди Нового Арбата.

Сорос был убежден, что причина, по которой слово «демократия» является в России ругательным, кроется в том, что россияне недостаточно образованны. И именно от невежества в них нет уважения к ценностям, в которые он верил, выписывая сотни миллионов на участок, стройку, взятки чиновникам. И если каждому россиянину рассказать про Ис-айю Берлина и про Юргена Хабермаса, они перестанут бухать, вспрыгнут ото сна и на обломках самовластья – ну и так далее.

Здание было построено, Россия ото сна не встряла. Университет несколько раз принимались закрывать, принудительно переименовывали, но всякий раз отступали под вой посольств, понимая, что никакого вреда ни в Берлине, ни в Хабермасае нет, и сожалея скорее о площадке, где хорошо было бы шарахнуть какой-нибудь автомобильный салон или развлекательный центр. Владельцы бы отстегивали регулярно, и всем окружающим была бы красота. Но вместо этого стоял тут Московский европейский университет, сокращенно МЕУ, который мы, антрепренеры западной гуманитарной мысли, резиденты полузапретного социального знания, омбудсмены критической теории и culture studies, называли про себя не иначе как МЯУ, или даже МЯВ. Случись МЯВу быть закрытым и перенесенным за МКАД, освобождая дорогу бо-

лее актуальным для современной Москвы постройкам, я был бы только рад: проще было бы увязывать пространство со временем, перемещаясь от места работы в нашу с тобой кухню, подсвеченную голубоватым светом газовой колонки.

Но я рискую совсем тебя усыпить этими скучными рассуждениями, важно же здесь то, что в тот апрельский вечер я убивал время между 18.00 и 20.00 в баре нашего университета – чтобы оно не убивало меня в моей машине, застрявшей в потоке где-нибудь у выезда на Проспект Мира. Ты работала японкой в Курилах, перерождение в татарку уже приближалось, судя по ржанию коней и топоту копыт на третьем плане, когда мы созвонились, чтобы помурчать в трубку.

Время – такая подлая, прыгучая тварь, что убивать его всегда лучше как минимум вдвоем, иначе оно непременно вильнет как-нибудь похитрей, выскользнет из поля зрения, и ты будешь беспомощно водить мушкой собственного взгляда по стенам, месить ложкой болотце пропитанного кофе сахара на дне чашки и скучать.

Мы торчали за моим любимым столиком с Андрюшей-феноменологом, специалистом по Гуссерлю и Мерло-Понти, получившим за это клички Понтиста, Гусслера и Фэномэна. Мы трепались, как два старых флага на ветру мысли. А впрочем, не было никакого такого особенного ветра мысли, мы просто трепались, безо всякого ветра, как треплется вывешенное на просушку белье.

Я – истерзанный студентами, он – измученный переводом

с французского языка статьи, которая состояла из слов, не имеющих русских понятийных аналогов, их нужно было выдумывать и сразу же объяснять. На все это он мне уже много раз пожаловался. Но в этом-то и смысл трепя, чтобы жаловаться снова и снова.

Андрей был моим закадыкой, и наши посиделки в кафе носили порой трагический для него характер, ведь он брал себе виски всякий раз, когда я брал кофе, – ну да я много тебе рассказывал про него, помнишь? А помнишь, в какой-то момент я вдруг полностью перестал упоминать Андрюшу в беседах?

Место, в котором мы убивали остановившееся время, называлось бар «Барт». Находился «Барт» на верхнем этаже нашего МЯВа и обитателям бетонных утесов, расположенных вокруг, было лестно отобедать в кругу говорящих на птичьем языке философов.

Войдя в бар из крохотного предбанничка, в который открывались двери лифта, человек, ищущий в себе интеллектуала, оказывался в просторном помещении столиков на пятьдесят, противоположная стена которого была полностью прозрачной и являла вид на многоэтажки Арбата. Бармен, которого жестокая рука неймера превратила в бартмена, был похож на Эйнштейна, не успевшего эвакуироваться из Рейха. Однажды мы пространно беседовали о спорных моментах интерпретации Лосевым ранневизантийской эстетики, причем он старательно держался в русле фени по крайней

мере кандидата наук. Если бы я остался с Андрюшей еще на полчаса, мне бы пришлось просить у бартмена вызвать такси, и он совершенно точно мне бы отказал: денег на такси Андрюша предусмотрительно не оставлял (ему хотелось общения со мной по дороге).

Напротив барной стойки во всю стену был изображен сам Барт, но не тот, которого можно было бы ожидать в кафе при университете, а Барт Симпсон, пишущий на доске одну и ту же фразу, в столбик, с многократными повторениями, как делал это каждый раз на заставке «Симпсонов»: «Нулевая степень письма... Нулевая степень письма...»

Я оттолкнулся от этого Барта и сказал, что иногда самое главное – вовремя остановиться, но Андрюша останавливаться не хотел, не умел и пошел по третьему разу чесать про свои претензии к семиотике (попытка вовлечь в конфликт, помириться и вызвать на эмоциональный контакт при совместном возвращении домой, алкоголик гребанный).

Он еще надеялся задержать меня у стойки и напроситься в мою машину, чтобы я его отвез домой, где он потянет меня «смотреть аквариум», а если мне не хватит ума отказаться, возле аквариума окинет с ног до головы взглядом скалярии и, бессистемно пошевеливая плавниками, предложит нарезать вдвоем: «потому что диван, где тебя разместить, – есть».

Несколько раз я становился страдающей от феноменологического похмелья жертвой этой логики (напиться – потому

что есть диван, на котором можно проспаться!), но апрельский вечер казался слишком прозрачным. Как первый за год дождь, выпавший на сморщившиеся, почерневшие сугробы. Слишком завораживающе переливались внизу огни ставших уже редкими машин. Слишком загадочно горели витрины ночных клубов – жизнь, как это часто бывает ранней весной, казалась куда более притягательной и полной тайн, чем есть на самом деле. Алкоголь рисковал все упростить, представив самые банальные из мыслимых разгадок этих тайн, так что о самих тайнах, верней об ощущении их присутствия в жизни, потом вспоминать будет стыдно.

Я хлопнул Андрюшу по плечу, и он выдал на прощание привычное, о времени: «Всякому понятно, что это такое. Однако никто из нас не может объяснить это другим». Алкоголецентричный вывод из Августина я не дослушал, поспешив к лифту.

Это произошло, когда я вырулил из подземного гаража на нашем «Розенбауме», – и тут мне нужно объяснить остальным, что такое «Розенбаум». Через год жизни в Москве, скупая по резвой «мазде», которую я не смог забрать с собой во время внезапного отъезда с родины, я решил обзавестись авто. Несмотря на всю убийственность этой идеи в московских условиях.

В этом городе есть три типа транспорта. ВАЗ, тюнингованный, с проточным глушителем или вообще без глушителя (звук – одинаков). «Газель» – тупорылое чудовище, име-

ющее больше сходства с белугой, нежели с прыгучей, изящной газелью. «Газелями» управляют животноводы, которые живут за рулем, а потому, несмотря на слабый двигатель и большой вес этих набитых людьми жестяных бочек, соревноваться с ними в скорости и в наглости бесполезно. Все равно обгонят, запрессуют, подрежут и после этого еще обматерят.

Третью большую группу транспортных средств Москвы составляют иномарки, купленные в кредит, а потому ведущие себя на дорогах менее агрессивно. Каждый из этих отрядов (грызуны, парнокопытные, прямоходящие), дробится на свои классы, есть такие мутанты, как «Нива-Chevrolet», но когда ты садишься за руль в первый раз – поневоле занимаешь одну из ступеней этой эволюционной лестницы. Место университетского лектора (а я не был даже доцентом, несмотря на защищенную давно и в другой стране диссертацию, хорошо хоть не плитку клал!) не оставляло надежд ни на что иное, кроме присоединения к армии «вазиатов». Вопрос был только в том, какую из трех присутствующих последние двадцать лет на рынке моделей выбрать.

Механик из меня был неважный, и я отдал предпочтение ВАЗ-2105, на которой ездил дачник, живущий в соседнем подъезде. Выбор мной был сделан преимущественно потому, что тот свою машину иногда успешно заводил и ездил на ней. Денег он за нее попросил столько, что даже за мою зарплату таких вот изделий автопрома можно было купить на пробу сразу три.

Осмотр кузова, салона, патрубков и сочленений под капотом не помог мне ответить на вопрос о том, когда был выпущен этот ВАЗ: ржавчины было немного, машина могла быть выпущена и в прошлом году, и в начале 1980-х. Самое главное, что в салоне оказался допотопный кассетный проигрыватель.

Стоило завестись, как проигрыватель захрипел, в нем из-за метели шумов послышался хриплый голос, выводивший: «Поле, поле, поле, белым-белым полем дыммм», ты захлопала в ладоши и сказала: «Какая прелесть! Это же Розенбаум!» Прослушав Розенбаума три раза в две стороны (авто-реверса в чуде советской техники не было), мы решили достать певца из кассетника.

Но не тут-то было! Оказалось, что Розенбаум застрял там несколько веков назад, застрял, став наперекосяк, так что кассету можно было выдрать, только срубив к чертям магнитную головку. А еще оказалось, что плеер с Розенбаумом включался автоматически, стоило повернуть ключи в замке зажигания, включался и больше не останавливался, месил воздух хриплым голосом, и даже сделать тише было невозможно – рукоятка громкости крутилась вхолостую. Может, там и не было предусмотрено регулиции громкости, советский человек обязан слушать музыку так, как это решили партия и институт машиностроения.

Конечно, мы боролись. Однажды душным летним вечером, когда тишины хотелось как воздуха, ты извлекла из во-

лос заколку и нанесла быстрый удар по правому динамику, надеясь успокоить этого дребезжащего дядьку. Но певец не замолчал. Тембр его голоса стал надсадным, режущим уши. А к вечеру в машине вылетела правая полуось. И мы поняли, что лучше не пытаться затыкать машине душу.

Я вывернул на Новый Арбат, из динамиков тянуло, как сквозняком по ногам: «По-лем, по-лем, по-лем, бе-лым-бе-лым по-леммм дыммм, во-лоссс был че-рнее смоли – стал се-дымммм». Я подпевал, потому что настроение было хорошее и Розенбаум не раздражал, а «Розенбаум» разгонялся хорошо, передачи переключались с первого раза.

«Сущность феноменологического подхода к музыке, – говорил я себе весело, – может заключаться в том, что не так уж важно, что именно играет из твоих динамиков. Настоящая музыка в любом случае не рождается нигде. Ее придумывает твое сознание, слушая звуки. Именно внутри рождается ощущение красоты от услышанного или, наоборот – раздражение им. Поэтому мудрец может сколько угодно ездить с одной и той же кассетой, испытывая то счастье, то раздражение от заученных песен».

За этим-то размышлением я отметил, что спереди от меня пристроился крохотный спортивный «ягуар», выпущенный где-то между 1945-м и 1970-м. Как и всякая дорогая старая машина, он выглядел сокровищем из антикварной лавки, а не стыдным барахлом из секонда. Я прекрасно помню его цвет, темно-вишневый, помню матерчатую крышу, то, как

резво он разгонялся на светофорах. Я поднажал за ним, но «Розенбаум» не справлялся, отфыркивался, хватался за свое 1,2-литровое сердце. Клубы сизого дыма из изнасилованного чрезмерными оборотами движка не стоили любования чужой игрушкой, зверюгой из другого отряда, до которого мне никогда не дорости.

В тот самый момент, когда я отчаялся угнаться за вишневым красавцем, у которого даже стоп-сигналы имели собственный, согласованный с кузовом оттенок, позади меня вдруг возник излишне огромный «Митсубиши Паджеро» серебристого цвета, с лебедкой и частоколом фонарей на крыше. Он как будто скакал прямиком в Валгаллу, с остановкой в твоих, Оля, «Курилах». Джип начал меня поджимать, приближаясь так близко, что лебедка касалась заднего бампера моего уже едва дышащего «Розенбаума». Я давил на газ, пытаясь оторваться, но тяги не хватало. Этот, сзади, прожигал дальним светом, мол, свали с полосы. Похожая на японского трансформера громада не вызвала у меня желания показать из открытого окна средний палец левой руки (а ведь именно на это, как я понимаю сейчас, и делалась ставка).

Я включил правый поворот и свалился в крайний, травоядный, ряд. Сбросил скорость, но сзади опять сияло так, будто «Розенбаум» был футбольным стадионом. Я слегка потерял понимание происходящего. Ехал я уже в «медленном», правом ряду, теперь-то что нужно? А «ягуар» оказался тут же – они шли с «паджеро» на одной скорости, были одной

колонной, и я, похоже, вклинился между императором и самураями, оттого те и светили фарами. Я немедленно, уже не злясь, перестроился в средний ряд.

Но тут синхронным двойным маневром в средний ряд метнулись и «ягуар» с «паджеро», один спереди, другой сзади. «Паджеро» снова разогнался, поджав меня лебедкой, буквально подталкивая вперед, заставляя разгоняться, и мы мчались вот так: сзади джип, спереди кабриолет, посередине – я. А полосы вокруг – пустые, мы были одни (что происходит?).

Я снова вильнул в крайний правый, и эти двое снова последовали за мной, как рыбки-прилипалы. В силуэте водителя «ягуара» угадывался крупный хищник. Было видно, что он и мигалку-то себе на крышу не плюхнул только потому, что на мягкую материю кабриолета она без ущерба для красоты машины не становится.

Я метался из полосы в полосу, и они неизменно перестраивались за мной, и первый держал мою скорость, а «паджеро» нагнетал, заставляя ее увеличивать. Мы пронеслись через весь Новый Арбат от реки до Воздвиженки, оттуда я свернул в переулок, надеясь, что они отстанут, но туда метнулись оба – сначала только задний, а затем, опередив по соседней улице и вылетев по встречной (что происходит?!), нагнал и «ягуар». Остро хотелось позвонить в милицию, но для этого нужно было бы остановиться, ведь вот сейчас мы летели девяносто по двухполосной, извилистой, заставленной

машинами трассе. Я попытался остановиться, но этот, сзади, взвыл сиреной и переключился на дальний уже перманентно. Никаких остановок, вперед давай!

Я твердо решил добраться до расширения дороги, свалиться вправо, если надо — заехать на бордюр и выключить двигатель, и пусть они вдвоем гоняются. Мы пересекли Тверскую, тут бы мне свернуть, но на скорости я просто не успел, перепрыгнув из трубы в трубу открывавшегося напротив переулка.

Товарищи, которые хвалят СССР! Которые ностальгируют по Пахмутовой, дешевой колбасе, ДОСААФу, стабильности и по чему они там еще обычно ностальгируют... Так вот, дорогие, совет вам: попробуйте проехать на автомобиле ВАЗ-2105! Пересядьте со своих «Ленд-Крузеров» на это гениальное детище позднего СССР и сделайте кружок по району! Попробуйте включить третью передачу! Попробуйте повернуть на скорости больше шестидесяти! Вы поймете и почувствуете сразу все про СССР. За руль своих «Ленд-Крузеров» вернетесь уже без ностальгии!

И снова узко, и на спидометр страшно смотреть, Розенбаум замолк, щелчки сломанного автореверса, но переворачивать кассету некогда.

Сзади — сияние, как от ядерного взрыва, он даже верх включил, этот номад. Впереди, за «ягуаром», кустарник домов спасительно расступался, там была какая-то площадь, я приготовился к маневру, но «ягуар» впереди исчез в облач-

ке дыма и мелких брызг (на асфальте – лужи); а произошло это потому, как я узнал, проехав метров пять или десять, – так вот, произошло это потому, что он резко ударил по тормозам, перекрывая выезд, настолько резко, что не вполне справилась с заносом даже его спортивная система с АБС и дисковыми тормозами. «Ягуар» слегка крутануло в сторону, задницу занесло влево, открывая мне аппетитный бок со стороны пассажира.

В этот-то бок – почти не успев затормозить, влепив педаль тормоза в последний момент, вжав до предела, так что почувствовал, как она уперлась в резиновый коврик, сминая его! Так вот, в этот лакированный темно-вишневый музейный металл... Металл, выпущенный в год, когда меня, возможно, еще не было на свете... Все в «Розенбауме» тормозило, стараясь предотвратить летальное столкновение. Он по-стариковски цеплялся лысиной резины за асфальт, он кряхтел, он обламывал ногти, мне казалось, что я уже давно продавил днище и торможу теперь ногой, стирая подошву туфли... Что удивительно, «Розенбаума» совсем не повело. А не повело оттого, что и не затормозил он толком – заблокированные колеса проскользили, как на салазках, напрямиком к темно-вишневому винтажному красавцу и со всей дури вlepили в него. Я кое-что успел заметить, перед тем как сработал ремень безопасности и меня дернуло так, что в шее что-то хрустнуло (смерть или паралич, подумал я. А в следующий момент ударился локтями о приборную доску

и почувствовал разряд острой боли, означавший, что шейные позвонки целы, и обрадовался)... Так вот, что я успел заметить... Это вставший дыбом капот, бросившийся вверх, грохнувший по лобовому стеклу и, отпружинив, снова полетевший вниз, захлопываться. Но вот ведь беда – там, где долю секунды назад был моторный отсек, теперь был чужой «ягуар», и моя крышка капота хищно ляпнула по матерчатой крыше. Но, самое главное, удар запустил проигрыватель, и понеслось: «Как часто вижу я сон, мой удивительный сон, в котором осень мне танцует вальс-бостон».

В следующую секунду я обнаружил, что от удара в «ягуаре» распахнулась водительская дверь, сработала подушка безопасности (видно, установленная позже, при тюнинге), и пассажир, улегшись на нее, задвигался – в порядке, жив, слава богу.

Когда я уже готов был выдохнуть с облегчением, думая, что все кончено (а прошло от силы полторы-две секунды), ядерное сияние сзади переросло в ударную волну – меня нагнал «паджеро». Удар был посильней, чем при столкновении с «ягуаром»: если тогда бросило вперед, то теперь «Розенбаума» подбросило вверх и перекривило. Пол оторвался от земли и стал наперекосяк, мой вестибулярный аппарат заглохло, как при долгом кружении на одном месте. Там, где был асфальт, теперь стена дома, там, где была стена дома, – ночное небо и фонарь. Ремень натянулся, удерживая меня, – потому что я уже нависал над рулем. «Митсубиши» успел на-

жать на тормоз и сильно сбросил скорость при торможении, но это не помогло. Впившись лебедкой в зад «Розенбаума», он приподнял его вверх и только после этого стал плющить, еще больше вжимая в натерпевшийся «ягуар». Теперь смятая крышка моего капота была и вовсе на стороне водителя, а сам водитель висел в воздухе на ремне.

С моего лба обильно тек горячий пот, оказавшийся алого цвета. Я посмотрел в услужливо поднырнувшее под лицо в этом перекосившемся пространстве треснувшее зеркало заднего вида и обнаружил, что у меня выбит глаз – в черной впадине торчит осколок стекла, ах нет, это просто веко, веко закрыто, а на нем, едва оцарапав, действительно, осколок, да не стекла, а зеркала. Я сколупнул его, обнаружив, что все цело – и глаз, и веко, и ногами двинул, и руки болели, и Розенбаум пел.

Водитель «ягуара» отстегнул ремни, выполз из-под обломков и встал, пошатываясь. Помотал головой. Я смотрел на него с симпатией: после того, что мы только что пережили, у меня возникло чувство, будто я знал его всю жизнь.

Я потянул за ручку двери, и весь механизм: замок, отпирающее устройство – все это просто вывалилось, как вставная челюсть из мертвеца. Дверь от удара перекосило настолько, что в ее нижнем углу оказалась щель в сантиметр, а на месте петель образовалась гармошка из искореженного металла – открыть это можно было теперь только автогенном. Лобового стекла не было, но боковое осталось, и именно через боко-

вуху я решил выбираться – потому что по капоту можно было лишь скатится на «ягуар», обильно присыпанный моим стеклом и смоченный кислотой из расплющенного аккумулятора вперемешку с раскаленным маслом и еще черт знает чем.

Я взялся за весло крутки, опускающей стекло, и крутанул несколько раз. Стекло закрипело, опускаясь в смятую дверцу, и застряло на двух третях пути. Я полез через щель, обнаруживая, что тело, смоченное кровью и потом, протискивается в узкие щели куда лучше, чем сухое тело. Я уже освободил голову, плечи и верхнюю часть туловища и зацепился только за что-то ногой, которая все не хотела доставаться из арки с педалями, и висел так, шевеля ногами. Водитель «ягуара», отряхнув и одернув пиджак, обошел коротким кругом своего искореженного винтажного зверя, приблизился ко мне – я запрокинул голову и успел, кажется, сказать: «Жив».

Вместо ожидаемого вопроса, все ли во мне цело, этот невысокий мужчина в темном пиджаке и белой рубашке, с черными вьющимися волосами над высоким лбом, отвел руку назад и вверх и дал мне вот так, с размаху, кулачком по челюсти. Удар был несильным, но царапнул по щеке его перстень. Я задохнулся от неожиданности. А этот отошел к своему искореженному сокровищу и повернулся спиной. И разом вспомнилась во всех подробностях странная гонка. И захотелось крикнуть: «Что вы, вашу мать, творили?» Но выяс-

нять отношения, наполовину высунувшись из окна автомобиля ВАЗ-2105, – самое глупое, что можно делать. Тем временем из «паджеро» сзади вышел крупный мужчина в костюме и темной рубашке, похожий на борца сумо, прожившего в России десять лет и ассимилировавшегося. Деловитой походкой он подошел ко мне, кивнул в сторону ударившего меня и сказал, представляя:

– Петр Викентьевич.

Сумоист вытянулся перед ним.

Судя по всему, ожидалось, что я, торча из окна, как застрявший в кроличьей норе Винни Пух, отрекомендуюсь и заведу с Петром Викентьевичем светскую беседу о преимуществах современных японских и английских машин перед морально устаревшими детищами отечественного автопрома. Но я вместо этого продолжал копошиться, молотя ногами по салону, стараясь вытолкнуть себя из разгромленного старика. Надо еще учитывать, что над немой сценой неслось лирическое: «Как часто вижу я сон, мой удивительный сон, в котором осень мне танцует вальс-бостон».

Помолчав спиной ко мне, Петр Викентьевич поднял голову на сумоиста и сказал ему кратко:

– Пятьдесят тысяч.

– Вы уверены? – спросил тот игриво. – Как бы не проделшевить!

– Пятьдесят тысяч, – повторил тот и, не оборачиваясь ко мне, быстрой походкой пошел вперед, к переулку, и повер-

нул, и скрылся из виду, оставив после себя имя и отчество, которые я запомнил на всю жизнь.

Стоило хозяину удалиться, с лица сумоиста исчезло игривое выражение. Ко мне он подошел уже вполне-таки с усталым видом. Я снова ожидал вопроса, нет ли переломов, но вместо этого он взял меня за шкуру. Не так, как берет котенка мама-кошка, но так, как берет лев ягненка, которого уже придушил и теперь несет сожрать – посередке спины, за пиджак и рубашку. Перехватив меня, будто там, под одеждой, во мне была ручка для переноски, он одним сильным движением вырвал из салона и, не подумав отпускать, понес – вот так прямо, за спину, понес к джипу. Кровь прилила к голове, я заверещал, я завозмущался, а сам вытянул руки и ноги перед собой и тянулся к земле, думая вырваться или хотя бы оттолкнуться от асфальта, если меня на него просто уронят. Но хватка сумоиста была крепка, он не собирался ни отпускать меня, ни ронять на землю. Распахнув двери джипа, он закинул меня на заднее сиденье, и я реально пролетел по дуге в воздухе – пролетел, как щенок, уже захлебываясь от возмущения, уже выкрикивая слово «милиция», как будто милиция в этом городе в таких ситуациях могла хоть как-то помочь. Он обошел расплющивший задницу моему «Розенбауму» джип, ничуть не пострадавший, разве что оцарапавший лебедку, завелся и сделал погромче музыку, в которой я узнал какую-то знакомую электронику (Prodigy?). Затем резко сдал назад, так что приподнятая задница моего

«Розенбаума» с грохотом обрушилась на землю. Я побоялся, что от удара его разломит напополам. А может, и разломило.

Я кричал, что это похоже на похищение. Что место происшествие покидать нельзя. Я повторял что-то про милицию. Я даже схватил его за плечо, пытаюсь помешать вести машину. Но он, не оборачиваясь, перехватил мои пальцы и просто загнул их вверх, так что меня обдало кипятком нестерпимой боли и скинуло с сидений на колени, и — когда отпустил — я забрался обратно, поджал под себя ноги, обхватил их руками, перепачкав брюки кровью и замолчал, уже не кричал, ведь бесполезно, здесь бесполезно — не услышит никто, только разозлю садиста-сумоиста.

Мы мчались через Москву, нарушая все мыслимые скоростные запреты, сворачивали на какие-то проспекты, проезжали по мостам, миновали длинные шеренги гаражей, ехали вдоль бетонных стен, расписанных граффити, в которых агрессии, пожалуй, было больше, чем красоты, — я с трудом отслеживал маршрут, в голове было тяжело, как будто под бровями набрякли грозовые тучи и где-то в районе затылка уже гроыхало и вот-вот могло вытошнить прямо посреди салона (страшно было подумать, что со мной за это сделает буйвол).

Джип сбросил скорость, двигаясь вдоль трехметрового забора, увенчанного сверху колючей проволокой. Выглядело все так, будто меня сразу привезли в СИЗО и готовились определить на пятнадцать суток в камеру за порчу «ягуара»

какой-то важной особы, с мигалкой над каждым ухом. Но нет, ворота, у которых мы остановились, выглядели скорее как въезд на склад коммерческой компании, и даже оранжевая мигалка, оповещающая о том, что ворота намерены открыться, на них присутствовала, и мигала, и – открывались. За воротами оказалось несколько неосвещенных панельных построек, унылый вид которых не оставлял сомнений в том, что они возведены (в отношении этих типов домов лучше говорить – «собраны») в самые железобетонные годы советской архитектуры – 1970-е. Здесь, у одноэтажного здания на въезде, прямо за воротами, сумоист заглушил двигатель. А я высматривал какую-нибудь вывеску над входом, с адресом или названием конторы, мусоля в руке телефон, на котором уже шел набор номера милиции – я все надеялся на защиту. И в трубке уже ответили строгим и серьезным голосом – о том, что я попал туда куда надо, ждите ответа дежурного, когда водитель хлопнул дверью, обошел машину и открыл мою дверь. Я, вжавшись в сиденье, выставил ноги и приготовился сопротивляться, отбрыкиваться ногами, если он ко мне полезет. Но он сказал спокойно и слегка брезгливо:

– Давай выгребайся, никто тебе ничего не сделает. И трубку повесь, чтобы потом за ложный вызов не платить.

И как-то так он это сказал, что я нажал на сброс звонка, решив, что набрать этот короткий номер всегда можно, даже и не доставая телефона из кармана, просто набрать и пусть там, на том конце провода слышат, что происходит. И решил

слегка выпятиться, прикрикнув:

– Что вообще происходит? Вы что, сдурели?

Но – уже выходил, уже повиновался. Стоило мне оказаться на земле, как он ловким движением выдавил у меня из ладоней телефон, а потом быстро и профессионально, так что пререкаться расхотелось, охлопал меня с ног (сначала правую, потом левую) до головы так, будто искал оружие, но то, что он на самом деле искал, находилось в правом кармане рубашки – кожаный чехол с моими документами: техпаспорт на машину, права с талоном, страховка, сертификат о техосмотре. Выудив его из рубашки, он тотчас же распахнул, повернул к фонарю и стал изучать с таким видом, как будто был постовым ГИБДД. Пролистав, вчитываясь (губы шевелились, обозначая человека, который читает редко, настолько редко, что навык чтения скатился к детской необходимости проговаривать слоги), он кивнул, выдавив:

– Все здесь. Давай за мной.

Он отпер дверь, и мы оказались в ярко освещенном боксе с рядами выключенных мониторов – судя по всему, здесь была комнатка охранника. Он выдавил меня в соседнее помещение, железную дверь в которое долго отпирал, подбирая нужный ключ на связке. Когда я шагнул за его порог, в темноту (свет еще не был включен), он решительно и профессионально, так, будто был тюремным вертухаем, захлопнул дверь за мной, отрезая единственный источник света. Оказавшись в полной темноте, я был настолько ошеломлен,

что даже не сразу начал колотить, требуя немедленно выпустить меня обратно, обещая позвонить в ФСБ, в управление по борьбе с терроризмом, своему другу Алику, который отрывает головы тем, кто занимается захватом людей (все это, как ты, Оля, понимаешь, было полным бредом, никаких друзей Аликов у меня не было, но дело в том, что тут, в этой комнате с затхлым воздухом, в полной темноте, за железной дверью, мне стало по-детсадовски страшно). Я стал шарить по стенам, боясь наткнуться ладонью на распахнутый рот какой-нибудь другой жертвы, умершей тут пару дней назад, и, конечно, на уровне глаз нащупал выключатель, и нажал на него, и зажмурился от очередной ядерной вспышки – так ярко, так нестерпимо ярко ударили сверху лампы дневного света.

Когда глаза перестали сообщать в мозг белизну засвеченной пленки, а в нестерпимой пелене проступили стол, шкаф, сейф, зарешеченное окно, – я увидел, что нахожусь в крохотной комнатухе, два на три метра, в которой тем не менее уместились как-то стол, шкаф, сейф и даже широкий подоконник под зарешеченным (рисунок – «рассвет над тюрьмой») окном. Конечно же, будучи семиотиком, я в первую очередь подошел к шкафу, к книжному шкафу, в котором стояли книги: мне было интересно, что там за книги, я чувствовал, что могу понять, в каком месте оказался – просто по их корешкам, по их названиям. (В то время как единственно верным решением было, конечно, осматривать стол – в

ящике могли оказаться какие-нибудь документы, да я так до него и не дошел.) Итак, в шкафу, чехословацком шкафу из золотистого ДСП, оказались стоящие в ряд белые книги в мягких обложках, без названий на корешках, без корешков в принципе. Скорей, это были брошюры, скрепленные посередине полукустарным способом, скрепочкой или пластмассовой брошюровкой. Книжечки эти были разной толщины и имели довольно потрепанный вид. Я надавил на стекло, потянул одну из его половинок в сторону, выхватил брошюру наугад и обнаружил название, от которого сразу присел, на стол, на краешек, потому что написано там было: «Боевое применение пистолета Макарова». И ладно бы только это, — мало ли книг выпускает резвый издатель для услаждения имеющих нездоровую страсть к орудиям убийства психов! Но, чуть выше, в шапке: «Министерство внутренних дел РФ». И так это все было коряво сверстано, и такие дурацкие иллюстрации, старательные, но нелепые, контуром, где милиционеры с внимательными лицами, зажмутив один глаз, пуляли по преступникам, улепетывающим от них, воровато пригнувшись! Интересно, почему это пособие учит шаркать по безоружным? Почему нельзя изобразить в руках злоумышленника хотя бы обрез? Или обрезка трубы? Ну да, все настолько «для служебного пользования», настолько не на вынос, что вопросы эти задать было бы некому.

Я немедленно вдавил брошюру в ряд других, ей подобных, и обнаружил рядом еще одну, что-то про психологиче-

ские основы следственных действий, и снова с шапкой МВД, и закрыл от греха подальше шкаф, и понял, что в милицию я действительно звонил очень и очень напрасно, и посмотрел на отражение своей перепуганной физиономии с рассеченным лбом, и попытался подбодрить себя, улыбнувшись.

Но было еще интересно – что в сейфе? Он, конечно, закрыт. Если замок кодовый, можно будет всю ночь подбирать шестизначное число, его отпирающее, а утром за мной придут, отпустят и извинятся – и объяснят, что это подчиненный перемудрил, перелютовал. Но замок в сейфе оказался самым обычным, со стыдливо прикрытым плоским язычком, крашенным в цвет сейфа (крашенного в цвет стен), отверстием под ключ. И я потянул за ручку, не надеясь, конечно, что сейф будет отперт, – в сюжетах с героем, оказавшимся внутри замкнутого зарешеченного пространства, секрет побега всегда лежит в сейфе, но поди отопри! Головоломка всегда разгадывается, сейф – отпирается, и в нем оказываются ключи от дверей или пилочка для решеток на окнах – в общем, хеппи-энд!

Но ручка поддалась, язычок щелкнул, и сантиметровая цельностальная дверь отползла, а там, в сейфе оказался всего-то-навсего револьвер, с прикрепленным к рукоятке ярлычком «Съешь меня, Алиса». Нет, про ярлычок я, конечно, шучу. Не было никакого ярлычка на рукояти, но револьвер был. Настоящий, тяжелый и холодный, как палеозойская окаменелость. И я тотчас же за него ухватился, не схватил

его, а именно ухватился, как за спасательный круг, который, конечно же, спасет.

И нашел предохранитель под левым пальцем, блокирующий вращение барабана, примитивный, отвел собачку, взведя курок, теперь смело можно было застрелиться, ха-ха. Меня колотило крупной дрожью: понятно было, что в месте, заставленном эмвэдэшными брошюрами о применении оружия, вряд ли хранили бы газовик или травмат, и тот факт, что кто-то забыл запереть сейф с боевым, демонстрировал запредельную легкость отношения хозяев этого помещения к смертельным игрушкам. Я перевернул дуло вверх и заглянул в ствол – никакой перемычки под газовые патроны не было, как не было и охлаждающей прорези. Оставалось только убедиться в том, что он заряжен. Поставив пистолет на предохранитель, я стал дергать за все его рычажки, так что несколько раз щелкнуло, это было похоже на русскую рулетку с неясным бонусом в конце: ведь понятно, что я не стану стрелять в человека, удалившегося куда-то со всеми моими документами. Разгадка доступа к барабану оказалась в той подствольной палочке, которую я первоначально принял за шомпол. Я потянул за нее, и пистолет, звякнув, разломился пополам, как охотничье ружье. Барабан оказался пуст: ничего. Оставалась, конечно, еще небольшая вероятность, что тот, кто придет меня отсюда забирать, не будет этого знать, – но, лишая возможности выстроить внятный план с участием этого пистолета, ключи в замке звякнули, и входная желез-

ная дверь широко распахнулась. За ней был тот самый сумоист, который бесцеремонно прошел в комнатку (в ней сразу стало сложнее дышать), увидел в моих руках револьвер, не обратил внимания, сел.

Секундочку. Я повел стволом, показывая, что как бы вооружен, – повел не слишком сам веря в свою силу, в свою вооруженность, а он бросил: «Положь цацу обратно в сейф!» – с таким равнодушием, что я понял, что даже, если бы в барабане были бронебойные патроны, я бы все равно не смог ему угрожать. А даже если бы и попытался – не испугал бы, а в лучшем случае рассмешил. Так что я быстренько сунул пистолет в щель сейфа и с видом добропорядочного гражданина, накрытого дома наркоконтролем за расфасовкой стаграмм марихуаны, приготовился его слушать.

– В мрачные девяностые, – начал он, изобразив мудрое выражение на своем круглом, с узенькими щелочками глаз лице, – мы бы тебя за такой выебон выставили на квартиру. И, мне кажется, были бы по-своему правы. Ты видел, чудос, что от коллекционного «ягуара» Петра Викентьевича оставил?

– Что я такого сделал? – заблеял я. И попытался возмущаться. – Что вы сами творили? Вы ведь меня жали сзади, нафиг было так делать? А этот... Сам виноват, что так резко тормознул!

Он выслушал сказанное мной так, будто был доктором психиатрической лечебницы, а я – только что доставленным

буйным поэтом Иваном Бездомным.

– Дистанцию соблюдать надо, товарищ водитель. Мало вам, пиздобам, это в социальной рекламе объясняли? – спросил он беззлобно. Я захлебнулся ответными аргументами, но он продолжил гнуть свою линию: – Так вот. Есть две проблемы. Во-первых, нет у тебя никакой квартиры. Во-вторых, сейчас не мрачные девяностые.

Мышцы у меня на заднице начинали расслабляться. Похоже, ситуация складывалась не так плохо, как мне подумалось.

– Теперь отношения государства и бизнеса, а также... – Он затруднился определить наш с ним формат отношений, свой статус и мой и после короткой паузы закруглил мысль так: – А также бизнеса со всем остальным миром определяются исключительно на правовой основе.

При выражении «правовая основа» мне пришла в голову мысль о страховке и стало уже совсем спокойно. Но он имел в виду другое:

– Как ты понимаешь, никакой полис Росгосстраха причиненный тобой, вахлачищем, ущерб не покроет. Там лимит в сто штук грин, а ущерба ты нам на двести пятьдесят доставил. Или еще побольше, я толком даже не знаю, сколько теперь точно стоит эта тачка. И сколько на барахолке дадут за те два колеса, что ты от нее оставил. Но люди с тобой, пидарасом, решили поступить по-людски. Уж не знаю почему, не мое дело. И ты слышал: ты нам должен всего пять-

десять тысяч. Я тебе честно скажу. Я бы тебе выкатил в три раза больше. И был бы, опять же, по-своему прав. Но сказано пятьдесят, значит пятьдесят. И если ты, мудака, эту сумму через три, ну ладно – через пять. Да, пять обычно дается... Так вот, если ты нам эти пятьдесят тысяч через пять дней не принесешь, знаешь, что мы с тобой сделаем?

Тут его телефон заискрился какой-то чрезвычайно томной мелодией, и липкий женский голос протянул «А тыыыыы...» – но ничего больше ей не дал спеть сумоист, алёкнувший коротко и деловито, как рефери на боксерском матче.

– А, товарищ полковник! – Это обращение прозвучало у него не подобострастно, а по-соседски, так что чувствовалось, что он с этим «товарищем полковником» на ты уже не первый десяток лет. – Вот как раз беседу провожу. Ну так я динамичек включу, пусть послушает.

И нажал на кнопку громкой связи, а вместе с ней – еще на три мяукнувшие недовольно кнопки, пальцы у него были такие, что клавиши для них должны были быть полуметровыми. Из трубки понеслось с легким взбулькиванием помех:

– Ну какие еще детали по ориентировке. Где прописан уже знаешь. Сожительствует с официанткой. Работает реально в университете. По социальному и психологическому портрету, с его доходом, лучше всего подходит хищение средств связи. И правдоподобно, и дел у нас таких нераскрытых есть. Сейчас висит заява от гражданки Волобуевой М. С., прописанной в Сокольниках, отработанное полностью и проведен-

ное. Свидетельские показания собраны, оставалось только подозреваемого вписать, этот как раз подойдет. Хищение со-
тового телефона с оценочной стоимостью в семьсот бэ, мы
ее при экспертизе завысим, чтоб вам приятно было, так вот,
без отягчающих потянет на пятеру общего режима. Как ва-
риант?

– На первый раз – самое трали-вали! А выйдет – еще пять
деньков ему дадим, чтоб деньги собрать. И потом – уже на
семерку посадим, если не найдет. – Весело поддержал сумо-
ист.

– На входе его сразу в Маши определяют, это мы устроим.
Телефон-то бабский, – заверил собеседник.

– Понял, товарищ полковник! Спасибо за помощь! Дадим
ему тогда пять дней, а там – готовьте камеру!

Круглолицый нажал на отбой и глумливо улыбнулся мне:

– Ну, ты все слышал, профессор. Я думаю, вас там в уни-
верситетах учили, что такое пять дней. Можешь, конечно,
попытаться дернуть из Москвы, ну так мы найдем и тогда
уже разговор у нас пойдет неправовой, совсем неправовой.
Пятьдесят тысяч через пять дней, все просто. Сегодня – ве-
чер вторника. В воскресенье в восемнадцать ноль ноль, баб-
ло должно быть у тебя. В смысле – у меня. Понял, да?

Я все это время, с момента озвучивания суммы, сидел
оторопев, не реагируя никак на их обмен репликами – сумма
была бы запредельной, даже будь она в десять раз меньшей.
Не было у меня ни пятидесяти, ни пяти тысяч, да и три я

бы накопил где-нибудь за полгода. И я думал, а не сказать ли сразу: денег нет и не будет, я их не найду, и не пойти ли сразу – в камеру? Но – очень остро – подумалось о тебе, Оля. Подумалось о том, что пять дней вместе – это... Это очень много, знаешь.

А круглолицый уже выталкивал меня из здания, уже тащил к воротам:

– Ну все, давай, иди бутылки собирай или как там еще вы, профессора, на жизнь зарабатываете. Мы за тобой будем присматривать. Если деньги раньше наберешь – узнаем, сами на тебя выйдем. Как ты понимаешь, ты у нас – как на ладони. Только не тяни, слышишь? А то как бы не успеть к воскресенью! Зона – она кому мать родна, а кому вроде тебя и хребет может переломать. Там таких, тощих, знаешь как! Так что давай, все, пошел!

Ворота распахнулись, и прямо за ними оказалось ждущее меня такси, и, усевшись в него, я не знал, куда теперь двигаться, и попросил на Копьевский переулок, надо ведь было забрать то, что осталось от «Розенбаума». Приехав туда, я обнаружил, что давшей течь груды металла, лежащей в россыпи стекла, уже нет, осталась только маслянистая лужа и неубранное стекло, которое может лежать теперь тут, в самом центре Москвы, неделю, месяц, – пока его не смоем дождем. Дорожные службы убрали оба хладных трупа, похоже изрядно при этом веселясь: особь из низшего отряда так изуродовала венец эволюции отряда высшего, как смешно!

Я же скорбел о «Розенбауме», скорбел по-настоящему, вспоминая его дерматиновый салон с прорвавшимися швами водительского сиденья, игрушечную, как будто собранную из детского конструктора, коробку передач.

Набрав номер ГИБДД, я выяснил, что останки оттранспортированы на штрафную стоянку и что сутки лежания в этом морге стоят больше, чем сами «розенбаумовы» останки, и денег на то, чтобы заплатить за первую ночевку там у меня хватало, но как его забрать оттуда? Как оплатить эвакуатор? И куда везти? И я – махнул рукой на мертвого старичка, махнул с камнем на сердце, махнул, чувствуя, что совершаю подлость, и оправдывая себя тем, что моя собственная ситуация куда хуже. И оказался я в ней в том числе из-за того, что он не сумел затормозить. И вообще – через пять дней я буду уже в СИЗО, ожидая направления по этапу, так что стоит ли теперь переживать из-за разбитой машины? Да пребудет она вечно в этом милицейском морге, пока трубы автомобильного Страшного суда не воскресят ее!

Почтив память деда минутой молчания у места смерти, я двинул к Останкину. Была поздняя ночь, транспорт уже не ходил, и подле меня то и дело останавливались бомбилы, норовящие тормознуть поэффектней, резануть по сильнее и еще на тротуар заскочить прямо перед твоим носом: «Куда едем, паря?» Но я делал вялый жест, показывающий крайнюю степень опустошенности – во всех смыслах этого слова, включая финансовый, и они мчались дальше, лихие,

наглые, — тараканы ночного мегаполиса, а я в этом случае был пищевым отбросом, бесполезным даже для тараканов. И до дома было километров десять, полночи хода, а ноги уже еле двигались. Однако деньги теперь стоило экономить — я хотел оставить тебе что-нибудь, перед тем как оставить на пять лет. Но нет, вру я, Оля: не понял я еще в этот момент, что меня действительно посадят. Не готовился я к тюрьме, не строил планы, нет, здесь я просто инстинктивно чувствовал, что деньги мне лучше не тратить, вдруг я найду где-нибудь 47 тысяч 300 долларов и до нужных 50 тысяч останется вполне-таки наскребаемая по сусекам сумма — и обидно будет не наскрести из-за того, что проехал на чудовищно дорогом ночном таракане до пятиэтажки, где все равно тебя пока нет, ты работаешь в ночь в своих «Курилах». На одной десятой пути, когда стало вдруг очень жалко себя (какое-то принципиально новое чувство), рядом остановился неосвещенный автобус с табличкой «в парк» и распахнулась дверь, и водитель громко крикнул: «Куда тебе, друг»? Я ответил и сказал, что денег нет, но он кивнул на пустой салон, и рванул вперед, и выдавил за всю дорогу только: «Мне вообще-то не по пути, но ничего, довезу». И кто-нибудь после этого скажет, что в Москве нет хороших людей?

Придя домой, я смыл с себя кровь, заклеил пластырем ссадины, и, поскольку в этом виде стал выглядеть уж совсем как инвалид, сорвал к чертям пластырь, и стал дожидаться тебя. Мне очень не хотелось врать тебе, Оля, но не хотелось и

начинать сразу сушить сухари, оставшееся время нужно было провести так, как будто никакой угрозы надо мной не нависло. Я сидел в кресле, рядом с покосившимся торшером, зажигавшимся дерганьем за веревочку, и продумывал то, что скажу тебе через четверо с половиной суток, перед тем как на меня наденут наручники.

Уже услышав внизу рев развозившей вас служебной «газели», я сообразил, что все это время думал не о том. И что объяснять надо, причем это объяснение теперь нужно выдумать очень быстро – почему у меня все лицо рассечено и куда делся «Розенбаум». Ты вошла, усталая, с завернутыми в целлофан смятыми медовыми пирожными, – трофеей с поля боя. Чмокнув меня в щеку и ничего не спросив, последовала на кухню и поинтересовалась, не желаю ли я кофе, и я, конечно, желал. Задержав взгляд на рассеченном лбу, сказала:

– Мне всегда нравились мужчины со шрамами от боевых ранений. Их было пятеро?

– Да нет, порезался, когда брился.

И все!

– Мы какое-то время не будем пользоваться «Розенбаумом», хорошо?

– Да нормально, от «подем, подем, подем» отдохнем.

Так-то, говоря лишь о том, о чем говорить надо, – мы с тобой и жили. Потом ты спала, и я проклинал будильник, звавший обратно к «детям», к семиотике архитектуры. Я раскрою им тот твой секретный совет, ладно? Помнишь, одна-

жды ты, специалист по работе круглыми сутками, сказала, что если хочешь выспаться всего за три часа, нужно оставить приоткрытым окно, и что особенно это хорошо помогает зимой? Привожу это здесь не как рецепт борьбы с недосыпом: я не могу сказать, что помогает сильно, но мне – помогает, потому что мне это сказала ты. Так вот, рассказываю это здесь для того, чтобы проиллюстрировать твой космос, твои представления о метафизике, ведь помнишь, как ты объяснила необходимость этой открытой форточки? Ты сказала, что так душе легче выбраться из квартиры на небо, где она летает и отдыхает по-настоящему. Что большую часть ночи душа тыкается в стены, ища выхода, а тут ее сразу уносит вверх – какой трогательный бред!

И пока я одевался, умывался, глотал кипяток, поливал кактус, прелесть которого была в том, что о нем можно было забыть на три месяца, ухаживая только друг за другом, – так вот, за все это время я не вспомнил того, с чем засыпал накануне. Воистину, моя душа улетела далеко на небеса через открытое окно, и только уже на лестнице, реконструируя тему предстоящей мне лекции, я вдруг понял, что это за копошение, что за писк и поскребывание доносились все утро из-под ковролина моей памяти. А еще через секунду, у дверей, я обнаружил. Сердце зашло, крысы запищали в ультразвуке. Там стояла милицейская машина с двумя стражами порядка, окна приспущены, рации включены и о чем-то хрипят сложно организованными пучками помех. Подумалось, что,

наверное, арестуют немедленно, а ведь оставалось еще четыре (всего четыре дня!), но милиция здесь была по другому делу – они даже не посмотрели на меня, и я зашагал к метро, сглатывая застрявших в горле крыс. Я вернулся в наш двор через два часа – сказавшись на факультете больным и сбежав от студентов, неслыханно обрадовавшихся этому бегству (в такие моменты я особенно слабо понимал, в чем смысл моей работы, если отмена лекций так радует – и меня, и их). Я решил, что четверо суток – слишком маленький отрезок оставшейся мне жизни, чтобы тратить его на ерунду.

Едва зайдя во двор, я увидел ту самую машину, не поменявшую своего положения, и теперь, разглядев ее сзади, обнаружил два штурмовых шлема в наверху задних сидений, и представилось, как сейчас, проходя мимо, услышу: «Молодой человек, одну секундочку...» И перьевые облака, висящие высоко в небе, показались сделанными как будто из колючей проволоки, и вот подошел, замер, ожидая выстрела вопроса, но милиция молчала. И тот, что сидел на водительском месте, спал, откинув голову и посапывая. Они здесь четверо суток будут стоять? А через четверо суток пригласят в машину и отвезут в СИЗО?

Я вернулся к тебе, и ты спала, твоя душа была где-то там, среди перьевых облаков. Я сел на кровать, не зная, как тебя разбудить и нужно ли будить, и трогал твои волосы, и даже гладил по лицу, не касаясь, в миллиметре, чтобы не тревожить. Я рисовал тебя своими пальцами, запоминая, навсе-

гда запоминая. В этой-то остановившейся тишине рывкнул наш проводной телефон, который в принципе где-то имелся, но превратился в нечто вроде предмета интерьера – ведь мы уже давно пользовались нашими переносными малютками, а этот был громоздок, черен и суров. Мы даже хотели сделать из него памятник – обрезать шнур и установить в торжественном месте, на телевизоре например, но справедливо боялись, что за перерезанный шнур хозяйка квартиры обрежет что-нибудь мне, не так легко заменяемое, как телефонный шнур. Я шарил по углам, гадая, куда мы его засунули, а он продолжал греметь, и по тембру это было похоже на школьный звонок – в тех крашенных зеленым цветом советских школах, в которых мы с тобой когда-то давным-давно учились. Телефона не было ни на полке у входа, ни на зеркале, и я ухватился за нить Ариадны у двери в квартиру и вел подлеца, расшвыривая попадавшиеся по пути твои вещи. Телефон спрятался за шкафом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.